

«Я знаю о многом. Я помню. Я смею»

Ольга. ЗАПРЕТНЫЙ ДНЕВНИК

речь, песня, оркестровая музыка, утром и в полночь отбивали время кремлевские куранты, в паузах и после окончания передач включался метроном. Радио должно было работать всегда — таков был закон, быть может, самым страшным днем за всю историю блокады был тот, когда по техническим причинам Радио целых три часа безмолвствовало, не стучал даже метроном. Радио было духовным хлебом осажденного города, оно спланивало и вдохновляло, вселяло надежду и уверенность в завтраш-

шего террора», когда были уничтожены полководцы, поэты, писатели, выдающиеся представители многих других профессий, Ольга Берггольц тоже была объявлена врагом народа — ее, беременную, арестовали. В постановлении об аресте сказано, что она входила в террористическую группу, готовившую террористические акты против руководителей ВКП(б) (Жданова и Ворошилова). Девять месяцев она провела в тюрьме. Ее освободили в июле 1939-го — «за недоказанностью состава преступления

«Ольга Берггольц как человек умерла. Отмучилась. Кончились ее земные страдания, а их на ее долю выпало немало. Все муки, все беды эпохи сплошняком прошли через ее жизнь, через ее сердце... Но не будем оскорблять ее память слезами сентиментальной жалости. Покойница не любила этого. Она была мужественным человеком.

Ольга Берггольц прожила большую и завидную жизнь. Ей выпало великое трудное счастье стать поэтической музой, поэтическим знаменем блокадного Ленинграда. И поэтому смерть ее необычна. Она перешагнула за порог жизни, чтобы обрести новую жизнь, обрести бессмертие, стать легендой. Она умерла, чтобы жить в веках. Жить столь же долго, сколько суждено жить нашему бессмертному городу на Неве».

Федор АБРАМОВ, «Слово у гроба».

16 мая, буквально через несколько дней после того, как страна отметит 65-летие Победы в Великой Отечественной войне, в Санкт-Петербурге будут отмечать еще одну знаменательную дату, неразрывно связанную с войной и блокадой, — столетие со дня рождения Ольги Берггольц. Поэта, ставшего символом блокадного Ленинграда, его голосом, его музой.

Это она написала про «сто двадцать пять блокадных граммов с огнем и кровью пополам», ей принадлежат строки «никто не забыт и ничто не забыто», выбитые на Пискаревском мемориале. Это за ее «Ленинградскую поэму», изданную в окруженном кольцом городе в конце 1942 года, люди были готовы платить хлебом. Вряд ли в современной истории мы найдем пример такого уважения, любви и, что, пожалуй, самое невероятное, нужности поэта. Поэта, своим словом спасавшего ленинградцев.

Сегодня трудно оценить, какую роль играло радио в блокадном городе. Сотрудники радиоцентра, кстати, всегда писали это слово с большой буквы. Ольга Берггольц начала работать в радиоцентре в августе 1941-го.

«По Радио передавали сигналы воздушной и артиллерийской тревоги, читались сводки о военных действиях, звучала человеческая

нем дне, напоминало, что, несмотря на все обрушившиеся на него испытания, Ленинград живет и борется...» — цитата из воспоминаний писателя, журналиста, участника Великой Отечественной войны Александра Крона. Эти воспоминания посвящены Ольге Берггольц и опубликованы в вышедшей недавно в издательстве «Азбука-классика» книге «Ольга. Запретный дневник».

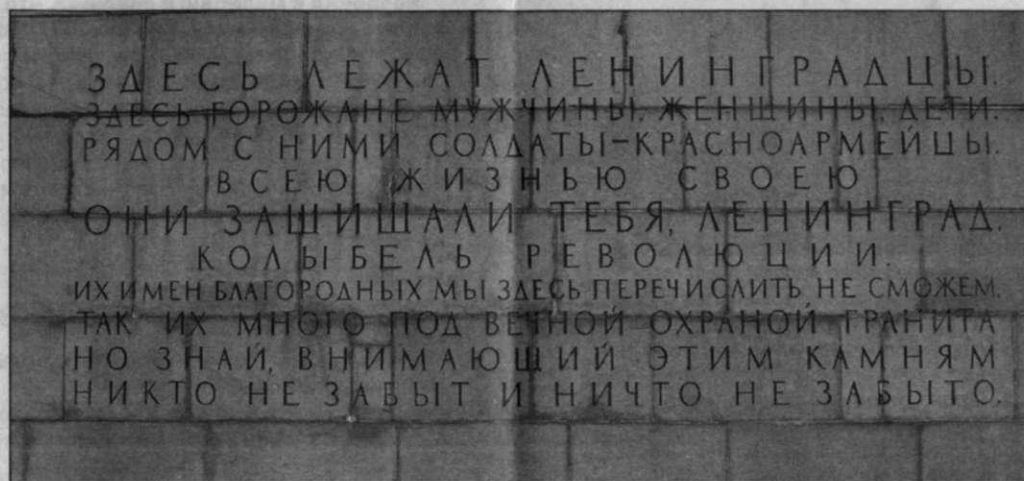
Это издание было подготовлено к юбилею поэта. В него вошли дневники Берггольц 1939—1949 годов, письма родным и друзьям, стихи, которые не публиковались в советское время по цензурным соображениям, воспоминания о ней, речи, сказанные во время прощания с ней в 1975 году, а также материалы ее уголовного дела, которое стало возможным изучить, хотя и не полностью, только в 2009 году.

В страшные тридцатые, во времена «боль-

уголовное дело было прекращено».

Ужасам заключения, пережитому унижению, боли, страшным ранам, которые не заживали, да и не могли зажить, посвящены многие страницы ее дневника. «Я покалечена, сильно покалечена, но, кажется, не раздавлена», — пишет 14 декабря 1939-го, ровно через год после ареста, Ольга Берггольц в своем личном дневнике.

В течение многих месяцев она не раз возвращается к тому, что пережила за месяцы заключения. В тюрьме, в апреле 1939 года, она потеряла ребенка. До этого, еще раньше, умерли в детском возрасте две ее дочери. В 1937 году первый муж Ольги Берггольц поэт Борис Корнилов, с которым, правда, они были уже в разводе, был расстрелян. Его стихи «Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река...» положил на музыку Д. Шостакович.

9 мая 2010 года исполнится 50 лет со дня открытия Пискаревского мемориала. На одной из стен выбиты стихи Ольги Берггольц, посвященные павшим ленинградцам.

Она умерла в 1975 году. Еще при жизни просила похоронить ее на Пискаревском мемориальном кладбище, вместе с блокадниками, как она говорила, «со своими». Но ее было решено похоронить на Литераторских мостках. Однако стихи Берггольц навечно останутся на этом самом страшном памятнике блокадного города, в том месте, где похоронены более полумиллиона ее земляков.

И эту песню пела вся страна, когда поэт уже не было в живых. Позже, уже в блокадном Ленинграде, погиб ее второй муж — умер от голода и болезни.

После смерти ее мужа Николая Молчанова друзья уговорили Берггольц поехать в Москву в командировку. «Живу в гостинице «Москва». Тепло, уютно, светло, сытно, горячая вода. В Ленинград! Только в Ленинград...» — записала Ольга Берггольц в своем дневнике. Она провела в столице около двух месяцев и при первой возможности вернулась в родной город. А ведь до прорыва блокадного кольца оставалось немногим меньше года, ну а до полного освобождения из кольца — почти два.

В стихах Берггольц, которые звучали по радио, с которыми она выступала на фронте, есть такие строки: «...Тот, кто не жил с нами, — не поверит, что в сотни раз почетней и трудней в блокаде, в окруженьи палачей не превратиться в оборотня, в зверя». Это из «Февральского дневника», который она писала страшной зимой 1942 года.

Я никогда героем не была, не жаждала ни славы, ни награды. Дыша одним дыханьем с Ленинградом, я не геройствовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады не изменяла радости земной, что, как роса, сияла эта радость, угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться, то, как и все друзья мои вокруг, горжусь, что до сих пор могу трудиться, не складывая ослабевших рук. Горжусь, что в эти дни, как никогда, мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали, где смерть, как тень, тащилась по пятам, такими мы счастливыми бывали, такой свободой бурно дышали, что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли — достойно не воспетое пока, — когда последней коркою делились, последнею щепоткой табака; когда вели полночные беседы у бедного и дымного огня, как будем жить, когда придет победа, всю нашу жизнь по-новому ценя.

«Мы были потрясены прежде всего интонацией поэмы («Февральский дневник». — Ред.), ее страстным, захватывающим и гипнотизирующим читателей пророчеством. Только большой поэт мог почувствовать сердцем то, что в эти жестокие дни войны и осады нужен именно этот эмоционально-категорический пафос, утверждающий неизбежность поражения врага и сегодняшнюю победу — победу духа, несмотря на все бесчеловечные испытания, обрушенные на ленинградцев», — отмечает в своих воспоминаниях об Ольге Берггольц Георгий Макогоненко.

Примерно в то же время, когда создавался «Февральский дневник», она с коллегами на радио обсуждала книгу «Говорит Ленинград», в ко-

торую войдут лучшие передачи. А ведь блокаде еще не видно конца. И такая книга действительно выйдет — уже после Победы. Правда, это издание ждет трагическая судьба. Но об этом — позже.

Всю блокаду, преодолевая страх, голод, холод, она работала на радио, писала стихи, ездила на фронт выступать. И постоянно вела дневник.

В этом дневнике действительно много такого, из-за чего его стоило прятать. И это не о страхе перед бомбежками, артобстрелами, холодом. Было и то, о чем вслух говорить было просто опасно. «Для слова — правдивого слова о Ленинграде — еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще? Будем надеяться...» — написала весной 1942 года Ольга Берггольц в своем дневнике.

Думаю, что этот вопрос она задавала себе и после войны. В конце сороковых начались новые аресты, было знаменитое дело о журналах «Звезда» и «Ленинград», был разгромлен Музей обороны и блокады Ленинграда, а книга Берггольц «Говорит Ленинград» была изъята из открытых фондов библиотек и отправлена в спецхран. Досталось и ей — «пропесочивали», как говорили в советские времена, ее не раз. А она пишет: «И даже тем, кто все хотел бы сгладить в зеркальной робкой памяти людей, не дам забыть, как падал ленинградец на желтый снег пустынных площадей». Она создает «подсудные» стихи и «подсудную» прозу о сталинском колхозном ГУЛАГе: «Записи о старом Рахине. Колхоз. 1949».

...Я недругов смертью своей не утешу, чтоб в лживых слезах захлебнуться могли. Не вбит еще крик, на котором повешусь. Не скован. Не вырыт рудой из земли. Я встану над жизнью бездонной своею, над страхом ее, над железной тоскою... Я знаю о многом. Я помню. Я смею. Я тоже чего-нибудь страшного стою...

Это стихотворение «Обещание» она написала в 1952 году.

Неудобную «блокадную музу» изо всех сил старались сделать как можно незаметнее. Ей отказали даже в последнем ее желании — быть похороненной на Пискаревском кладбище.

«Похоронили на Волковом, в ряду классиков, присоединили, упрятали в нечто академическое. Так спокойнее. И вроде б почетно. Рядом Блок, Ваганова и пр. Чего еще надо? А надо было похоронить на Пискаревском, ведь просила с блокадниками. Но где кому лежать, решает сам Романов. Спорить с ним никто не посмел. А он решает все во имя своих интересов, а интерес у него главный был — наверх, в Москву, чтобы ничего этому не помешало!» — писал Даниил Гранин в 1975 году, в день похорон Ольги Берггольц.

«Немногим дано жить так, как жила Ольга Берггольц, для этого нужно поднять и расположить свою душу так высоко, откуда только и можно обозреть «всю жизнь разом».

Михаил КУРАЕВ

налах. А в 2005 году, за несколько дней до празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне, был торжественно открыт памятник на могиле Берггольц. До этого времени на могиле знаменитого ленинградского поэта был деревянный знак — мольберт с ее фотографией.

Подготовила Александра МИХАЙЛОВА

14 декабря 1938 г. Фотографии из архивного следственного дела № П-8870.

(Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.)

Анна Ахматова и Ольга Берггольц. Именно с Анной Ахматовой передала из блокадного города Берггольц записку в Москву сестре. В ней она написала, где прячет свой дневник. «Мусинька, на всякий случай, — только на всякий случай», — писала она.

Из дневников, писем и рабочих записей Ольги Берггольц

«Господи, что-то будет, что-то будет еще. Впрочем, понятно, что: миллионы новых смертей, новых вдов и сирот. Я знаю теперь, что это такое. И, несмотря на то, что, когда особенно начинает крушить тревога, я думаю: «А мне-то что? Все мои горести, весь страх позади — я уже потеряла все, и мне нечего больше терять. Жизнь — это уже не утрата». И все же, несмотря на это, сердце сжимается от жалости и боли к сестрам, к женщинам, таким же, как я.

Уж пусть лучше я одна! Уж пусть лучше только мне досталось бы это свирепое зияние внутри, но не другим. О, если б можно было ценой своего горя купить покой и отраду другим. Так ведь и этого нет...»

**Из дневника Ольги Берггольц,
26/V — 41**

«Зашла к Ахматовой, она живет у дворника (убитого снарядом на ул. Желябова) в подвале, в темном-темном уголке прихожей, вонючем таком, совершенно достоевщицком, на досках, находящихся друг на друга, — матрасишко, на краю — закутанная в платки, с ввалившимися глазами, — Анна Ахматова, муза Плача, гордость русской поэзии — неповторимый, большой, сияющий Поэт. Она почти голодает, больная, испуганная. А товарищ Шумилов сидит в Смольном в бронированном удобном бомбоубежище и занимается тем, что даже сейчас, в трагический такой момент, не дает людям вымолвить живого, нужного, как хлеб, слова...»

**Из дневника Ольги Берггольц,
24/IX — 41**

«Да, устала — как все, устала от войны — от дергающего нервы быта, от работы своей — точно телеграфные ленточки со значками тяну и тяну из души, с болью и кровью, и расшифровываю их с большим трудом».

Из дневника Ольги Берггольц, 3/VIII — 42

«Только что, полчаса назад, получила письмо... от одного своего читателя, лейтенанта Рысова. На этом письме стоит дата. 12—1—1943 года, 5.15 утра. Это — за три часа до начала штурма немецкой линии обороны, когда уже был получен приказ «прорвать блокаду» и наши войска готовились начать бой. Рысов пишет: «Уважаемая Ольга Берггольц, только сейчас закончил подготовку к проведению беседы о любимом городе. Подготовил беседу для на-

ших орлов-ленинградцев... Здесь у меня в блиндаже какой-либо литературы нет, зато как хорошо мне в подготовке беседы помогли хранящиеся в моей сумке Ваши поэмы и стихи. Примите ж мою душевную благодарность за Вашу любезность, за Вашу помощь, которую я получил, в бесчисленный раз перечитывая Ваши стихи и поэмы...».

Ты понимаешь, командир готовился к бою за освобождение Ленинграда, они должны были начать с рассветом, пойти на прорыв, вот он готовился сказать перед атакой слово — и это были мои стихи. Верно — это даже покрепче залпов с цитатами? Ведь этим можно гордиться, да, Муська?»

**Из письма сестре М.Ф. Берггольц,
24/1 — 43**

«Сегодня умер Михаил Михайлович Зощенко. Так все это меня перевернуло, что не только работать не могу, а отвечаю невпопад и даже забыла, отдала Маргошке свою рукопись или потеряла ее. Я ни в чем не могу упрекнуть себя по отношению к Михаилу Михайловичу. Не только ни словом, ни делом не предала его в катастрофические дни 46 года, восприняла это как личную катастрофу, чем могла, старалась согреть. В позапрошлом году, после XX съезда, первой и, кажется, единственной ринулась в драку за него, говоря о необходимости пересмотра знаменитого постановления и доклада Жданова и отношения к Зощенко вообще. И все же чувство глубокой вины своей за трагическую судьбу его легло сегодня на душу, как камень. Впрочем... Впрочем, и никогда оно меня и не покидало. Чувство вины и стыда и перед ним, и

перед Ахматовой, и Пастернаком, и многими другими напрасно и варварски травимыми и загубленными художниками. Какой он был чистый, смелый, мужественный человек, непримиримый к подлости, лжи, лицемерию и хамству».

Из фрагментов и подготовительных записей, 22/VII — 58

«Если я не расскажу о жизни и переживаниях моего поколения в 37—38 гг. — значит, я не расскажу главного, и все предыдущее — описание детства, зов революции, Ленин, вступление в комсомол и партию, и все последующее — война, блокада, сегодняшняя моя жизнь — будет почти обесценено».

Из фрагментов и подготовительных записей, 1959